

«Срединная Европа» в агрессивных планах Веймарской республики

Поражение Ноябрьской революции и установление Веймарской буржуазной республики привели к упрочению пошатнувшегося было господства империализма в Германии. Уже в первые послевоенные годы стало ясно, что германский империализм не отказался от своих агрессивных замыслов. Ликвидация последствий Версальского мира рассматривалась правящими кругами Германии как главнейшее условие реализации старых захватнических планов, претерпевших, разумеется, некоторые изменения под влиянием послевоенной ситуации в Европе и мире. Интерес к старым агрессивным планам в их веймарской модификации возрастал по мере укрепления позиций германских монополистов внутри страны и за ее пределами. Среди других пристального внимания удостоилась и старая агрессивная концепция «Срединной Европы». Ее особенность заключалась в том, что в территориальном смысле «Срединная Европа» шла намного дальше котировавшихся в то время планов создания «Великогермании». По существу, как увидим дальше, «Срединная Европа» с точки зрения агрессивной политики не имела каких-либо четко определенных границ.

Идеологи экспансионистской политики веймарского периода считали, что после войны план «Срединной Европы» ближе к осуществлению в сравнении с довоенным временем, когда в Центральной Европе сходились границы трех империй. Мысли Ф. Наумана о «Срединной Европе», навеянные временными победами кайзеровской армии, настолько прочно вошли в сознание германских империалистов, что даже поражение в войне не поколебало их. Уже в 1918 г., сразу же после развала Австро-Венгрии, немецкий посол фон Ведель в своих телеграммах из Вены в Берлин настаивал на том, чтобы использовать момент и прибрать к рукам наследие монархии. В частности, он писал: «Я надеюсь на «Срединную Европу» в новой, измененной форме» [1. С. 56]. Содержание «Срединной Европы» веймарского периода в сравнении с кайзеровской «Срединной Европой» существенно изменилось под влиянием послевоенных внешнеполитических задач Германии. Если «Срединная Европа» времен войны мыслилась «как осуществление континентальных целей Германии» и как «базис немецкой «мировой политики» [2. С. 142], то веймарская «Срединная Европа» представлялась германским

монополистам и политикам как форма восстановления европейских позиций Германии и как основа для нового раунда борьбы за мировое господство. Чтобы не вызвать противодействие Запада, германская пропаганда рекламировала «Срединную Европу» как барьер и ударную силу против коммунизма [3. S. 176]. Планам «Срединной Европы» способствовали Локарнские соглашения 1925 г., ослабившие политическое влияние Франции в Центральной Европе и тем самым оживившие немецкие экспансионистские стремления. Не случайно после 1925 г. германские политики, публицисты, историки все чаще обращаются к этой теме. Так, А. Виннигу, бывшему «имперскому комиссару Востока», «Срединная Европа» виделась как блок государств «от германской западной границы до Белоруссии» [4. S. 353—354], в котором найдет свое выражение политическое и культурное единство Европы — Рейна, Дуная и Вислы.

Доктрина «Срединной Европы» тесно связывалась с укоренившимся среди господствующих классов Германии империалистическим утверждением недостатка «жизненного пространства». В книге «Германская внешняя политика в 1919—1929 гг.» Э. Кох-Везер, лидер Немецкой демократической партии, представлявший интересы владельцев электротехнической, химической и легкой промышленности, части интеллигенции, средней и мелкой городской буржуазии, утверждал вслед за Науманом, что «жизненное пространство» Германии лежит в Срединной Европе и «может быть расширено на юго-восток». Нашлись и мотивы: «...здесь, на восток и юго-восток от Германии, укоренился немецкий язык как средство общения, немецкие знания и возможности призваны тут возглавить развитие и сотрудничество», «здесь везде живут немецкие меньшинства..., их экономические и политические позиции достаточно влиятельны» [5. S. 122]. Таким образом, немецким национальным меньшинствам отводилась роль проводников германской политики в странах Центральной и Юго-Восточной Европы [6. S. 51]. Отсюда тайное и явное финансирование прогермански настроенных лидеров немецких национальных меньшинств в Польше, Чехословакии, других странах, разжигание национальной вражды между этими меньшинствами и народами, совместно с которыми они проживали, претензии на право выступать от имени всех немцев, проживавших вне границ Германии.

Военная слабость Веймарской республики вынуждала прибегать к экономическим рычагам в осуществлении плана «Срединной Европы». Германия стремилась использовать факт своего экономического превосходства в Европе (уже в 1929 г. Германия обошла Англию и Францию в промышленном производстве) в политических целях. Немецкий капитал усиливал свои позиции в Австрии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии. Там возникли филиалы или отделения крупных немецких банков. Многие немецкие компании участвовали в экономике этих

стран, а также Чехословакии (например, «АЭГ») [7. S. 39]. В то же время германские концерны и банки всячески мешали развитию их национальной экономики, используя свои связи в мире капитала, препятствовали получению ими экономической и финансовой помощи от других стран [8. S. 132], ревностно охраняли свои позиции, заключив торговые договоры: в 1927 г.— с Югославией, в 1931 г.— с Венгрией и Румынией, в 1932 г.— с Болгарией. Все заключенные договоры содержали принцип наибольшего благоприятствования, что должно было побудить указанные страны к более тесным контактам с Германией и привести их в конечном результате в «Срединную Европу», которая для германской химической и тяжелой промышленности означала бы не только преобладающие позиции на европейском континенте, но и ведущую роль на мировом рынке. Стремление к этому определяло основную линию политической активности крупных германских концернов, а экономическое заманивание по отношению к малым странам было только одним из методов на пути к «Срединной Европе». Так, буржуазный экономист Г. Биншток, на все лады расхваливая выгоды экономического объединения сельскохозяйственных районов Восточной и Юго-Восточной Европы, имеющих излишки аграрных продуктов, с индустриальной Европой, предлагал создать европейский таможенный союз [9. S. 150].

Первым и необходимым условием «Срединной Европы» германские империалисты считали аншлюс Австрии. В качестве предлога выдвигался тезис «нежизнеспособности» послевоенной Австрии вследствие узости ее экономической области. Только объединение Австрии с Германией, утверждали они, сделает ее жизнеспособной. Чтобы придать требованию форму объективности и законности, германские империалисты часто ссылались на выводы экспертов Лиги Наций Лейтона и Риста, которые в 1925 г. пришли к заключению, что предпосылкой жизнеспособности Австрии является ее присоединение к «большой экономической области» [10. S. 487]. Но еще громче, в угоду антисоветски настроенным правящим кругам Англии и Франции, планы аншлюса рекламировались как необходимость создания австро-немецкого бастиона против «русской опасности» [10. S. 487]. Этот тезис муслировался прессой господствующих классов Германии и Австрии уже с 1919 г. Насколько далеким был экспансионистский прицел в политике аншлюса, свидетельствует то, что часто под аншлюсом Австрии подразумевалось присоединение к Германии «всей замкнутой области немецких поселений» бывшей монархии, включая Южный Тироль, Судеты и другие территории [11. S. 18]. Предполагаемый аншлюс, таким образом, выходил далеко за пределы послевоенных границ Австрии и в конечном результате мыслился как аншлюс всей Центральной Европы. Именно это имел в виду буржуазный историк веймарского периода Г. Онкен, писавший в 1928 г., что

ревизия версальских постановлений на Востоке, аншлюс Австрии — лишь отдельные звенья «политического комплекса на Востоке» [12. S. 19].

Политическая кампания вокруг аншлюса в годы Веймарской республики планировалась и разжигалась германскими монополиями, которые упорно стремились получить в свое распоряжение экономику и рынки Австрии. Рурские магнаты зарились на австрийскую железную руду, особо притягательный интерес для них составляла австрийская военная промышленность [11. S. 37—38]. К середине 20-х годов рейнско-вестфальские монополии и германская электротехническая промышленность, используя бедственное положение Австрии во время экономических кризисов, глубоко внедрились в австрийскую экономику и рассматривали Австрию как исходную позицию экономического, политического и стратегического освоения востока и юго-востока [13. S. 130]. Географическое положение Австрии на дунайском пути между Альпами и Карпатами способствовало этому.

Что же касается позиции государственного аппарата Веймарской республики, то она всецело формировалась в интересах монополистического капитала. Так, на состоявшейся 2 апреля 1925 г. встрече с немецкими националистами — депутатами рейхстага — рейхсканцлер Г. Лютер и министр иностранных дел Г. Штресман заявили, что правительство Германии делает все возможное, чтобы достичь объединения с Австрией [10. S. 505].

Насколько ключевым вопросом в экспансионистской политике германского империализма считался аншлюс Австрии, видно из следующих фактов. В феврале 1919 г. по заданию автора доктрины «Срединной Европы» Ф. Наумана в Вену едут его последователи: небезызвестный Я. Шахт и один из идеологов «Великогермании», будущий бундеспрезидент ФРГ Т. Хейсс. Их цель — содействовать победе на выборах австрийской буржуазно-демократической партии. Последняя была задумана в Берлине как партия аншлюса и создана в середине декабря 1918 г. на немецкие деньги усилиями немецкой буржуазно-демократической партии. Провал австрийской буржуазно-демократической партии на февральских выборах 1919 г. несколько не смутил сторонников аншлюса [14. S. 190—191]. Они и дальше пытались реализовать аншлюс, видя в нем начало «Срединной Европы». В частности, в 1926 г. на страницах журнала «Немецкая мысль» несколько месяцев продолжалась дискуссия вокруг германского плана объединения Европы, изложенного в книге Р. Н. Коуденгове Калерги «Пан-Европа». В так называемой «объединенной Европе» империалистическая буржуазия Запада усмотрела возможность сколачивания антисоветского блока. Поэтому вопрос о «пан-Европе» стал предметом обсуждения Венского конгресса, состоявшегося 3—6 ок-

тября 1926 г. Как антисоветский союз «пан-Европа» получила полное одобрение участников конгресса. Но когда немецкая и австрийская делегации сделали попытку заручиться согласием на аншлюс, а представители других стран, напротив, усмотрев в нем стремление Германии к гегемонии, отклонили его, конгресс потерпел неудачу [10. S. 533—534]. Все же после Венского конгресса был образован экономический комитет планируемого объединения Европы, в который вошли К. Дуисберг и К. Бош («ИГ Фарбениндустри»), П. Зильверберг («Рейнский бурогольный синдикат»), Г. Бюхер («АЭГ»), А. Феглер и Э. Пенген («Ферайнигте штальверке»), Э. Г. фон Штаусс («Дойче банк»), К. И. Мельхиор (гамбургский банкирский дом Варбург) и др. Перечисленные фамилии свидетельствуют, кто особенно интересовался аншлюсом Австрии и последующими за ним экспансионистскими акциями. На них ориентировались и политические партии. Немецкая народная партия, Центр, баварская народная партия и немецкая демократическая партия после 1918 г., а позже и все другие партии, кроме КПГ, включили в свои программы требования аншлюса.

Встречное движение за аншлюс со стороны правящих кругов Австрии объясняется стремлением австрийского промышленного и банковского капитала с помощью Германии восстановить утраченные после войны экономические и политические позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Требование аншлюса фигурировало в программах австрийских буржуазных партий — христианско-социальной и великогерманской — и даже в программе австрийской социал-демократии. Идею аншлюса в Вене поддержали влиятельные политические деятели: первый канцлер Австрийской республики Карл Реннер, канцлер Игнац Зейпель и вице-канцлер Шобер, руководители Шуцбунда Кернер и Юлиус Дейч, венский бургомистр Карл Зейц и др. Для них «Срединная Европа» тоже была желанной целью. К примеру, Зейпель видел в аншлюсе ключ к «пан-Европе», в которой с немцами и австрийцами объединятся славяне, мадьяры, румыны, а затем все, «кто хочет жить в едином свободном европейском государстве» [15. 1926. 26. Арг.]

Во второй половине 20-х годов пропагандисты германских концернов Шленкер, Хан, Рехлинг и др., государственные деятели Веймарской республики усилили наступательную пропаганду за «Срединную Европу». Пресса (особенно «Дойче Бергверксайтунг», журналы «Рур унд Рейн», «Фольк унд Рейх», «Ди Тат») пестрели различного рода доказательствами невыгодности в экономическом отношении раздробленности и большой протяженности границ в Центральной Европе [15. 1927. 10. Mai].

Германский МИД, постоянно зондируя всевозможные варианты экспансии, все больше выступал как ведущий центр практического осуществления плана «Срединной Европы». Так, в 1928 г. статс-секретарь германского министерства иностранных дел

Шуберт в беседе с Э. Бенешем во время визита последнего в Берлин предложил, чтобы Чехословакия вступила в тесную связь с Германией. Шуберт говорил о необходимости тесных отношений между Германией, Австрией и Чехословакией сначала в экономической форме, а затем в форме политического пакта как ядра дальнейшего объединения. Бенеш отклонил предложение, заподозрив в нем великогерманские планы. Этот пример — яркий образец подчинения политики империалистического государства интересам монополистического капитала.

Немало внимания уделялось и теоретическому обоснованию «Срединной Европы». С целью «научного исследования» возможностей устранения таможенных границ между Германией и странами Центральной и Юго-Восточной Европы в 1927 г. был основан институт «Миттельевропа» в Дрездене. Задачи института диктовались агрессивными устремлениями германского империализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исследовать их возможности и формы стало главным, целевым направлением «научной деятельности» института. На его открытии присутствовали представители правительства, Срединно-европейского экономического совета (МВТ) и деловых кругов, взявших на себя основную часть расходов института. В их речах, наполненных «заботой» об экономическом развитии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, излагалась всеобъемлющая программа территориальных захватов. Выступавшие не скрывали, что институт должен выполнять заказы монополий. Рейхсминистр Б. Готгейн, говоря о необходимости устранения экономических последствий «политического разрыва» Центральной Европы, особо подчеркнул этот момент в своем выступлении [10. S. 535]. А предоставитель дрезденской торговой палаты доктор Карст заметил: «Его работой будут заинтересованы все деловые круги» [10. S. 537.]. Работа института была многоплановой. Под видом культурной пропаганды в странах Центральной и Юго-Восточной Европы институт насаждал идеи «Миттельевропы».

Институт «Миттельевропа» был окружен вниманием германских монополистов и политиков. Чтобы увеличить финансирование института и соответственно расширить поле его деятельности, 21 марта 1929 г. по инициативе МИД и саксонского правительства было основано общество содействия институту «Миттельевропа» [10. S. 555.]. Среди его руководителей, кроме уже названных основателей института, значились министерский советник Ульрих, статс-секретарь МИД Шуберт, от немецкой группы МВТ Штрениох, от Союза саксонских промышленников Юлиус Хейде и др.

Одновременно институту вменялось в обязанность доказывать несостоятельность французских претензий на лидерство в Европе, в которых немцы усматривали стремление Франции сорвать

германские планы территориальной ревизии, увековечить положения Версальского договора и достичь политической гегемонии на европейском континенте.

Правящие круги Германии противодействовали всему, что не вписывалось в их планы. Особенно враждебно был встречен французский проект пан-Европы, выдвинутый Брианом 17 мая 1930 г.

На борьбу против французской пан-Европы была мобилизована немецкая и австрийская буржуазная пресса. В статье «Европа?», напечатанной в немецкой газете «Дойче фольксвирт», главный редактор «Остеррейхише фольксвирт» Г. Штольпер писал, что Франция через пан-Европу стремится к «Восточному Локарно», хочет объединить европейские страны против индустриально развитого государства [10. S. 567], т. е. Германии. Такой точки зрения придерживались и политические коммивояжеры германских монополий Я. Шахт, канцлер Г. Брюнинг и др.

На правительственном совещании в МИД в июле 1930 г. германские министры отклонили французский проект пан-Европы и высказались за продолжение изучения возможностей объединения Европы по немецкому рецепту [10. S. 570]. Там же стат-секретарь МИД Бюлов внес предложение, которое поддержали и другие, о создании при Лиге Наций комитета для изучения возможностей экономической политики в Европе. Таким образом предполагалось найти понимание и поддержку компетентных международных органов и убедить общественность капиталистического мира в необходимости принять предложенный Германией план решения экономических проблем Европы, охваченной экономическим кризисом.

Правящие круги Веймарской республики не были категорически против пан-Европы как формы объединения капиталистической Европы в антисоветском плане, а возражали против ее содержания, заключавшегося в гегемонистских целях французского империализма. Если Франция, считали они, признает руководящую роль Германии, то она может вступить в немецкую «Срединную Европу». Но это возможно только после того, когда, как говорил Дуисберг в 1931 г., будет достигнуто приемлемое регулирование на юго-востоке [16. S. 220], под которым понимался аншлюс Австрии, затем создано «большое срединноевропейское хозяйственное пространство» и установлено германское господство в Центральной и Юго-Восточной Европе. В таком случае германская «руководящая роль» распространилась бы и на французские колонии, которые представляли интерес для германских монополий как источники сырья и рынки сбыта. А если рухнет Британская империя, то и Англия сможет найти прибежище в «объединенной Европе» [10. S. 558; 3. S. 175].

В связи с мировым экономическим кризисом усилилась про-

паганда необходимости освобождения Центральной Европы «от цепей таможенных границ», и идея «Срединной Европы» из области теоретических суждений и предположений перешла в область активного поиска ее практического воплощения в жизнь. Большой политический резонанс имела попытка таможенной унии Германии и Австрии в 1931 г., которая должна была стать началом постепенного аншлюса с далеко идущими политическими целями. В 1929—1930 гг. Имперское объединение германской промышленности и Союз защиты общих экономических интересов в земле Рейнланд-Вестфалия (Лангнамферейн) совместно с заинтересованными австрийскими монополиями (в частности, Альпинемонтан гезельшафт) усиленно готовили таможенный союз Германии и Австрии, который бы стал прикрытием аншлюса. Правящие круги Германии рассматривали унию как кристаллизационное ядро будущей «Срединной Европы». В письме немецкому послу в США статс-секретарь МИД Бюлов подчеркивал, что «таможенный союз с Австрией приведет к аншлюсу Чехословакии и Венгрии» [1. S. 221]. Еще дальше шел Ф. Ф. Циммерман в книге «Конец капитализма», изданной в 1931 г. Он считал, что в результате заключения таможенного союза, который, по его мнению, является важнейшим итогом экономической истории послевоенного времени [10. S. 591], Германия и Австрия образуют «срединноевропейское пространство», вокруг которого сгруппируются Чехословакия, Венгрия, Югославия, Румыния, Болгария, Греция. К ним примкнут Турция и Персия [10. S. 595].

В 1931—1932 гг. «Срединная Европа» — особый предмет забот германских деловых кругов, метавшихся в поисках рынков сбыта.

В появившейся в начале 1931 г. брошюре «Будущее немецкой торговой политики» председатель Имперского объединения германской промышленности К. Дуисберг призвал «перенести центр тяжести» в борьбе за рынки сбыта на юго-восток и выиграть их низкими ценами и лучшим качеством товаров [13. S. 132]. Ему, представлявшему интересы «ИГ Фарбениндустри», и крупному промышленнику Эдмунду Стиннесу «Срединная Европа» виделась как таможенный союз Германии и Австрии с центральноевропейскими странами, которым предназначалась роль рынков сбыта и аграрно-сырьевых придатков. При сколачивании «Срединной Европы» промышленники рекомендовали опереться на экономические, культурные и языковые позиции Германии в Центральной Европе. В планах промышленников сквозили идеи европейского господства Германии, идеи территориальных захватов. 24 марта 1931 г. Дуисберг в речи «О настоящих и будущих проблемах немецкой промышленности» высказался за экономический блок «от Бордо до Одессы» под руководством Германии [16. S. 220]. А Э. Стиннес в письме Гитлеру от 9 июля 1931 г. излагал план расширения «жизнен-

ного пространства» на Востоке вплоть до «припятских болот» [16. S. 222].

Использование экономических рычагов в политических целях хорошо прослеживается и на деятельности немецкой группы МВТ, существовавшей в Вене с 1924 г. В его президиум входили представители крупнейших немецких концернов и банков (К. Дуисберг от «ИГ Фарбениндустри», Л. Витерфельд от концерна Сименса, Ф. Шпрингорум от концерна «Хёш», Э. Пенсген от «Ферайнигте штальверке», Т. фон Вильмовски от концерна Круппа и др.) [17. S. 69]. В своей деятельности объединение исходило из интересов обеспечения германскому капиталу ведущих позиций в Европе. Как видно из отчета его президента Т. фон Вильмовски, сделанного на собрании объединения 22 ноября 1938 г., уже в 1930—1931 гг. «удалось превратить эту организацию в такой инструмент, который хотели получить заинтересованные промышленные круги» [18. С. 71]. Стремления последних не ограничивались чисто экономическими соображениями. Вопрос о форсировании создания «Срединной Европы» обсуждался 23 октября 1931 г. на заседании немецкой группы объединения [16. S. 226—228]. В докладе управляющего МВТ М. Хана «Срединная Европа» рассматривалась как цель немецкой политики. М. Хан призвал использовать время «больших лишений» для оформления «Срединной Европы». Отклоняя французскую пан-Европу, он прямо говорил о немецком руководстве «Срединной Европой», выдавая это за желание центральноевропейских народов.

Активность монополистических организаций в решении политических задач отражала слабость возможностей и средств тогдашней официальной германской политики и возрастающую роль германских монополий в разработке агрессивного курса во внешней политике. Это наглядно подтвердилось, когда в кабинетах европейской дипломатии заговорили о проектах Дунайской федерации. Отношение Германии к Дунайской федерации было выработано на берлинском заседании правления немецкой группы МВТ, которое состоялось 19 мая 1932 г. [16. S. 230]. Все его участники, в том числе М. Хан, Тило фон Вильмовски и министеряль — директор отдела торговой и таможенной политики министерства экономики Г. Поссе, высказались за необходимость всячески препятствовать образованию опасного для Германии и Австрии таможенного союза дунайских государств, добиваться ликвидации их зависимости от Франции и, используя их потребности в кредитах и рынках сбыта сельскохозяйственной продукции, создавать предпосылки для сотрудничества с Германией. Присутствующие понимали это сотрудничество как усиление германского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе, как расширение экономического пространства Германии. При этом М. Хан указывал на необходимость «маскировать политические цели». И все

же все сходились на том, что сформулированные задачи Германия может решить только тогда, когда задается целью «политически влиять на центральноевропейское пространство» [16. S. 231]. Как видим, цель полностью противоречила официально распространяемой версии, что якобы «не будет нарушено никаких политических связей малых стран» [15. 1927. 10 Mai]. Подобные заявления официальной прессы были рассчитаны на успокоение общественности этих стран, камуфлировали агрессивные германские планы в отношении Центральной и Юго-Восточной Европы.

Усилия германских монополистов в период мирового экономического кризиса, направленные на осуществление плана «Срединной Европы», не увенчались успехом. Пришедшие в 1933 г. к власти фашисты унаследовали захватнические планы кайзеровской Германии и Веймарской республики и открыто приступили к их осуществлению. Разгром фашистской Германии во второй мировой войне нанес сокрушительный удар по агрессивным планам германского империализма, в том числе по концепции «Срединной Европы».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Brügel J. W.* Tschechen und Deutsche, 1918—1938. München, 1967.
2. *Пон И. И.* «Срединная Европа» в планах кайзеровской Германии в период первой мировой войны // Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971.
3. *Göhre P.* Deutschlands weltpolitische Zukunft. Berlin — Grünewald, 1925.
4. *Winnig A.* Das Reich als Republik, 1918—1928. Stuttgart; B., 1928.
5. *Koch-Weser E.* Deutschlands Aussenpolitik in der Nachkriegszeit, 1919—1929. Berlin — Grünewald, 1929.
6. *Misstrauische Nachbarn: Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse.* Düsseldorf, 1970.
7. *Sontar R.* Der neue deutsche Imperialismus. Hamburg; B., 1928.
8. *Habedank H.* Die Reichsbank in der Weimarer Republik. B., 1981.
9. *Bienstock G.* Deutschland und die Weltwirtschaft. B., 1931.
10. *Europastrategien des deutschen Kapitals, 1900—1945.* Köln, 1977.
11. *Enderes B. von.* Die wirtschaftliche Bedeutung der Anschlussfrage. Leipzig, 1929.
12. *Onken H.* Zehn Jahre Deutscher Geschichte // Zehn Jahre deutsche Geschichte, 1918—1928, B., 1928.
13. *Berndt R.* Die Aussenpolitik der Regierung Brüning im Dienste Monopole // Monopole und Staat in Deutschland, 1917—1945. B., 1966.
14. *Kölling M.* Annexionbestrebungen des deutschen Imperialismus gegenüber Österreich im Frühjahr 1919 // Jahrbuch für Geschichte. B., 1967. Bd. 1.
15. *Frankfurter Zeitung.*
16. *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945.* B., 1975.
17. *Hörster-Pfllips U.* Grosskapital, Weimarer Republik und Faschismus // Die Zerstörung der Weimarer Republik. Köln, 1977.
18. *Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны.* М., 1971.